

Нури Сан

*Один
день
Марины
Ивановны*

Трагикомедия положений

12+

Нури Сан

Один день Марины Ивановны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51994133

SelfPub; 2020

Аннотация

История двух женщин – полных тёзок, которых судьба свела на один день, превратив его в череду невероятных совпадений и трагикомических моментов. Одна из героинь служит в колонии строгого режима, а другая очень хочет туда попасть.

Эта история могла произойти где угодно, поэтому любые совпадения – случайны.

Мариша Ковалёва проснулась за минуту до будильника и поскорей нажала «выкл», чтоб дочка не вскочила среди ночи. Похвалила себя за расторопность. Поставила на газ щербатый чайник. Положила в чашку ложечку дешёво-растворимого «индийского» кофе. Тихонько притащила чемодан и начала пихать в него продукты, чай и сигареты. Верх чемодана был в наклейках, оставшихся от прежней жизни. Марише не хотелось их сдирать. С ними потёртый чемодан смотрелся не убого, а заслуженно, как старый генерал в наградах.

Свалившаяся на неё нечаянная радость впервые за последний год заставила поверить в то, что жизнь налаживается. Хотелось петь и танцевать от предвкушения, и огорчало лишь одно. Красная ручка. Она была удобной, дорогой и запропала ещё с вечера. Словно сквозь землю провалилась. Мариша заново проверила свою единственную сумку, которую брала и в пир, и в мир. И даже вытрясла, перевернув. Любимой авторучки не было. Мариша не собиралась брать её с собой. Просто хотела, чтоб нашлась. Ручка была как талисман: подарок мужа в День учителя, и потерять её сейчас было особенно досадно.

Мариша заварила кофе, вернулась в комнату и замерла над спящей дочкой. Многие папы ждут мальчишек. А её муж мечтал о девочке. Хотел назвать её Любовью. В честь той любви, которую они нашли уже совсем не юными. И сохра-

нили в славном человечке, что сладко спал, рассыпав светлые волосики. В кого она такая? Мариша с мужем были тёмно-русыми. Люба хотела быть «как мама». А вышло всё наоборот: мама вдруг стала, как она.

«Ула, тепей мы одинаковые!» – обрадовалась дочка, когда Мариша поседела в одну ночь. Ученики сначала были в шоке и притихли. Потом привыкли. Учителя-коллеги дружно сокрушались, и кто-то даже подложил ей краску в стол: случиться может всякое, но жизнь-то продолжается! Поэтому ходить седой, когда тебе нет сорока – это кошмар, как неприлично. Мариша краситься не стала. Лишь коротко постриглась. Изящное телосложение и молодое ещё лицо сделали её блондинкой.

Застыв на несколько минут, Мариша вздрогнула, подхватила дочку вместе с одеялом и торопливо вышла из квартиры. День обещал быть непростым.

***

Марина Кузнецова проснулась от будильника. Звук был на удивление противным, но выключать сигнал она не торопилась. Назло двум дармоедам в той же комнате. «Петух» успел проверещать раз десять, пока из-за зашторенной перегородки не донёсся скрип кровати и вопль ломающимся голосом:

– Твою мать! Ну сколько можно?!

– Что ты сказал? – Марина подскочила, брезгливо переваливаясь большими бёдрами и плотным животом через хра-

пящего перегаром мужа и опускаясь на пол с грохотом, от которого в тон петуху запели хором чашечки в серванте.

– Ты что мне только что сказал, гадёныш? – Марина прошипела угрожающе и резко отогнула шторку.

Сын сделал вид, что спит и только начал просыпаться.

– Я это... Во сне, наверное...

– Во сне-е-е? Ну-ну. – Марина развернулась и шагнула к умывальнику. – Давай я тоже буду делать всё во сне. Стирать, готовить, убираться. Кормить вас, тунеядцев. Деньжищи в дом таскать.

– Мам, кстати. Дай пятьсот рублей?

– Тебе на кой?

– Учителям собирают. На Восьмое Марта. Сказали, кто не сдаст, тот пидор.

– Пятьсот рублей? А им не жирно? Они не обнаглели в своей школе?

На самом деле на подарки собирали пятьдесят, но сын рискнул, и вроде, прокатило. Мать, продолжая материть учителей, полезла в шифоньер, где прятала заначку. Но денег там не оказалось.

– Где деньги?! – глаза Марины потемнели, а руки сжали полотенце.

Сын прикрыл голову на всякий случай и пробурчал из-под локтя:

– Чё я-то сразу? Вон, у отца спроси, с кем он их пропивает!

– Ах ты, скотина! – Марина обернулась на супруга и сорвала с него остатки одеяла.

– Василий! Совсем дошёл? Последнее из дома тащишь?

– Марин Иванна, не ори, башка раскалывается.

– А так?! – Марин Иванна хлётко шлёпнула по голове супруга мокрым полотенцем. – Ты хочешь, чтоб твой сын стал пидором?

– М-м-м... Не-е-ет...

– Что ты мычишь? Опять вчера в говно пришёл, зараза! Уже тошнит от пьянства твоего!

Марин Иванна и в правду ощутила тошноту, но не сдалась. Склонившись над диваном и ухватив за майку, рванула на себя Василия, заставив сесть, и зло уставилась в глаза:

– Ещё неделя до получки. Что будем жрать? Жрать будем что?!

– С работы принесёшь. Чего орать-то. – Василий честно попытался вспомнить, брал деньги или нет, но в голове было темно, и поручиться, что не брал, не получалось.

– Колбаски, мам. Колбаски принеси, – раздался голос из-за шторы. Сын был доволен, что так удачно рассчитал. Что мать, не обнаружив денег, решит на пьяницу-отца.

– Колбаски, да, полукопчёной. – Василий от шлепка по голове совсем проснулся. – А кофий этот больше не неси, Марин Иванна. Это не кофий, а говно.

– Дармовому коню в рот не смотрят!

– Не дармовому, а дарёному. И не в рот, а...

– Поумничай мне тут! Раньше надо было умничать! Ишь, кофе ему не нравится! Я покажу тебе кофе! И какао с чаем! Вставай! Иди вон, книжечки читай!

Марин Иванна отпустила майку и пододвинула к кровати стоявший у окна огромный клетчатый баул, набитый книгами:

– Тупица чёртов. А? Василий? Это же надо было так обосраться! А?!

– Мам, фу-у-у. Что за базар, в натуре! Говно, обосрался – что это за параша? Щаз так никто не говорит.

– Да что ты! Неужели? И как же надо говорить? – Марин Иванна развернулась к шторке.

– Ща говорят не обосрался, а облажался.

– Ты поучи мать, поучи! – Марин Иванна снова замахнулась, но сын проворно скрылся под подушкой. – Базар, параша! Чтоб я не слышала жаргона в моём доме! Мне на работе его по уши!

Марин Иванна с треском распахнула шторку, сгребла подушку со вцепившимся в неё подростком, рывком разъединила их, подушку бросила, а сына ткнула в запотевшее окошко.

– Сюда смотри! Смотри, кому сказала?! Сегодня ты живёшь с видом на тюрьму, а завтра будешь жить с видом на дом!

– Ну, ма-ам, ну сколько можно... Ты каждый день мне это говоришь.

***

– Куда меня несёшь? К Бабане? – от яркой лампочки в подъезде Любовь проснулась.

– Ага. – Мариша боком налегла на дверь и оказалась у соседей. – Побудешь у неё. Люби её и хорошо себя веди.

– Буду любить. Ведь я Юбовь! Я всех юбую и... – Любовь уснула, не договорив.

Баба Аня была древней сухонькой старушкой. На улицу она уже давно не выходила, хоть и жила на первом этаже. А посидеть с ребёнком дома ещё могла. Других вариантов у Мариши всё равно не было.

– Баб Ань, спасибо вам, дай бог здоровья! – Мариша положила дочку на диванчик. – Сейчас Любашкины вещички принесу.

– Присядь. Присядь, а то пути не будет.

Мариша было опустилась на край стула, но тут же подскочила, увидев, как подъехало такси.

– Возьми. – Старушка протянула ей пятьсот рублей одной бумажкой.

– Вы что, баб Ань! Не надо, не возьму.

– Возьми. Не пригодится – назад привезёшь.

Мариша обняла старушку. Нагнувшись над диванчиком, поцеловала дочь. Зашла к себе, поспешно допила остывший кофе. Надела куртку, шарфик, сумку на плечо. Просунула баб Ане в дверь пакет с вещами дочки и покатила чемодан на улицу, где его подхватил таксист.

– Тут у вас ручка...

– Где? – Мариша ринулась к багажнику.

– Ручка слабая у чемодана, говорю. Перегрузили вы его, не выдержит. Хотите, изоляцией заматаю?

– Спасибо, некогда. Доеду как-нибудь.

– Как знаете. – Таксист закрыл багажник и порулил к вокзалу.

***

– Уволюсь на хрен. – Василий отхлебнул рассол из банки.

– Ой, и куда же ты пойдёшь? Кому ты нужен? – Марин Иванна выдохнула, пытаясь застегнуть на крупных бёдрах форменную юбку.

– Да хоть и на завод. Там вроде цех обратно открывают.

– Ой, не смейся! Кастрюльки будешь штамповать за три копейки?

– Да хоть бы и кастрюльки. Пока – кастрюльки, а власти сменятся, глядишь, и снова оборонку будем выпускать. Может, ещё девочку с тобой родить успеем. А?

Василий, зная про мечту жены о дочке, хотел подластиться, но просчитался.

– В учреждении, вон, власть сменилась, и чего? Нам это шибко помогло?

– Марин Иванн, не начинай за рыбу деньги, а?

– Дурак ты, Вася. Ой, дура-а-ак... Завод сегодня есть, а завтра – нет. Ты зря с него давным-давно ушёл? Забыл уже? Смотри, кругом всё развалилось. Весь город без работы. А

наше учреждение – навсегда. Семьдесят лет стояло и ещё столько простоит. На наш век точно хватит! Где ещё тебе сейчас стабильный оклад дадут? Нормальный отпуск с отпускными? Стаж засчитают год за полтора? Нигде! При наших временах и в нашем государстве за такое место зубами надо держаться. Зубами, понял? Поэтому засунь своё «увольсь» себе в зад и делай всё, чтобы не выгнали! Мы в очереди на квартиру первые стоим. А вдруг строительство начнётся, вдруг дождёмся? Ребёнку будет своя комната. Или ты хочешь, чтоб мы до смерти в дедовом бараке жили, вповалку да с оглядкой? Уволится он, гляньте на него!

Приступ красноречия и молния на тесной юбке утомили Марин Иванову. Она помахала у покрасневшего лица всё тем же полотенцем, попятилась спиной к Василию:

– Молнию закрой?

Муж сделал вид, что возится с застёжкой, а сам просунул руку в разрез юбки и прихватил жену за попу:

– Марина, Марина, Марина, когда же ты будешь моей? – хотел пропеть, но поперхнулся от шлепка.

– Клешни свои убрал, колготки мне последние порвёшь! – Марин Ивановна хлопнула, не глядя, полотенцем, попав Василию по уху. – Кобель ты хренов. Хоть бы ребёнка постеснялся! А ты чего уставился? А ну-ка, ноги в руки, и в школу! Живо! Узнаю, прогулял – домой не приходи!

День обещал быть непростым. Напарницу отправили на курсы. А значит, предстоит работать за двоих. Марин Иван-

на влезла в сапоги, надела форменную куртку, шапку. Схватила сумку. Остановившись на пороге, произнесла отчётливо, как для тупого:

– Ребёнку в школу надо сдать пятьсот рублей. Ты понял? Чтоб деньги к вечеру на месте были. Ты понял? Мне пофиг, где ты их возьмёшь. Хоть высри, хоть роди. Ты понял?!

– Марин Иванна, мне за руль – низзя! Я выпимши. Вдруг остановят?

– Кто остановит-то? Тут все свои! Остановят его. Кому ты нужен, пьянь несчастная! Остановят его! Ты лучше...

Дверь на терраску хлопнула и не дала Василию услышать, что ему лучше.

***

Поезд грохотал сквозь ночь навстречу рассвету, лишь на минуту замирая на редких ярко освещённых остановках. Марише Ковалёвой не спалось. Она бежала глазами то по заснеженному лесу за окном, то по заброшенным полям, поросшим редкими сосенками, и перед нею проносилась её жизнь. Полоска светлая, полоска тёмная, и снова светлая, и тут же тёмная – и так до бесконечности.

Детство Мариши было сказочно счастливым. Как будто разукрашенный флажками паровозик отправился со станции под радостную музыку. И любящие взрослые сопровождали девочку в этой поездке – оберегая и стараясь, чтоб путешествие по жизни стало праздником.

Так всё и было, пока однажды паровозик не нырнул в тон-

нель. Марише едва исполнилось девять, когда родители погибли в авиакатастрофе. Они были весёлыми и добрыми. Такими она их и запомнила – смеющимися в обнимку с ней на чёрно-белой фотографии. Всё детство они устраивали дочери приятные сюрпризы. Поэтому, когда родители улетели в отпуск и не вернулись, Мариша продолжала ждать, придумав для себя, что папа с мамой задержались, так как готовят для неё очередной сюрприз. Бабушка была с ней заодно и поддержала эту сказку. Так было легче пережить утрату им обеим.

Все последующие годы Мариша пыталась вытолкать свой паровоз из тёмного тоннеля. Как большинство детей, она подсознательно винила в гибели родителей себя. Наверное, она была недостаточно хорошей, раз жизнь лишила её папы с мамой. А если стать ещё послушней и честней, добрее и прилежней, то можно снова заслужить тепло и счастье у судьбы. Мариша сделала эту идею смыслом жизни: училась на отлично, окончив школу с золотой медалью, легко и просто поступила в институт. И жизнь расщедрилась. В конце тоннеля наконец забрезжил свет.

Студенческие годы были яркими. Любовь и уважение преподавателей, ценивших Маришино упорство. Поездки в стройотряд. Влюблённость в однокурсника. Диплом с отличием. Как результат – распределение по месту жительства, а не в далёкую провинцию. Мечты о свадьбе, о семье, о детях. Казалось, свет и радость никогда не кончатся, но тут у жиз-

ни вновь иссякли краски. Возлюбленный женился на другой, бабушка заболела и умерла, и Мариша осталась одна. Совсем одна. Жизнь её словно пожалела, растягивая светлую полоску до тех пор, пока Мариша не окончит институт и окончательно не станет взрослой.

***

Марина Кузнецова вошла в ворота с надписью «Служа закону – служу народу!» и зашагала сквозь квадратный дворик, заставленный баулами, пакетами, тележками и зябко ёжащимися фигурами, не поместившимися в закуток, где принимали передачи. Две женщины красными от мороза руками прямо на баулах «потрошили» сигареты, вытаскивая их из пачек и перекладывая в полиэтиленовые пакеты. Два мужика курили в стороне на корточках. Увидев Марин Иванну, поспешно сунули окурки в снег и виновато поднялись. Веснушчатая девочка лет пяти-шести подпрыгивала и вертелась посреди дворика, раскинув руки, хохоча и распевая что-то непонятное. Задев нечаянно огромную сотрудницу, девчонка ойкнула, попятилась и прошептала «извините».

– Смотрите за ребёнком! Тут вам не детский сад! – угрюмо рявкнула Марин Иванна, пристраиваясь к сослуживцам, просачивавшимся на территорию колонии через контрольно-пропускной пункт. С одними она работала годами. Других не так давно привёл новый начальник учреждения. Оно понятно: новая метла по-новому метёт. Но эта новая метла была похожа на бульдозер и грубо рушила привычные устои.

С приходом новичков на службе стало неуютно. И даже праздничный плакат-коллаж из фотографий учреждения, красневший датами 1940-2010, напоминал Марин Иванне некролог. Сплочённый годами и традициями коллектив за пару месяцев распался на своих и чужих. Чужими оказались старожилы, а новые вели себя уверенно и по-хозяйски насаждали свой устав в чужом монастыре.

Марин Иванна была потомственной сотрудницей колонии и оттого особо остро ощущала перемены. С момента основания здесь служил дед, потом родители, теперь – она и муж. Об их семье накануне семидесятилетия зоны даже в газете написали: новый начальник специально пригласил корреспондента. Писательница из Москвы упомянула славную династию в своей книге «Красный день календаря в колонии строгого режима», приуроченной к юбилею. А вскоре в областной газете возник другой материал об их семействе. Спасибо Васе. Удружил. Ославил.

Марин Иванна звучно щёлкнула решёткой-дверью и оказалась в КДС. На зоне эти буквы в шутку расшифровывали как «Кремлёвский Дворец Съездов». На деле это был обшарпанный кирпичный корпус для свиданий, построенный ещё при деде, а потому безбожно устаревший – морально и материально.

Второй этаж старого здания представлял собой дешёвую ночлежку с решётками и непременными «ресничками» на окнах и состоял из шести узких комнатушек, общей кухни и

санузла. Здесь под надзором камер и прослушки проходили длительные свидания родственников с осуждёнными, обычно длящиеся от суток до трёх.

На первом этаже располагалось помещение для краткосрочных свиданий, разделённое на прозрачные кабинки с телефонными трубками. За ним подсобка для хранения посылок. А в самом конце коридора – конурка с узким квадратным окошечком-тоннелем в толстой стене, через которое у родственников принимали передачи. В тесной конурке были стол, два стула и весы.

Марин Иванна чувствовала себя королевой в этом клоповнике. При старом начальнике. При новом её трон изрядно пошатнулся. Ей приходилось применять всю хитрость и сноровку, чтоб усидеть на нём и продолжать иметь выгоду, которую давала эта должность. И постоянно бдить, чтоб не подставиться самой и не подставили другие, кто метит на её местечко. Всё это страшно напрягало и не давало получать былое удовольствие от службы.

Марин Иванна отдышалась, скинула куртку, плюхнулась на стул, заняв собою всю конурку. Проверила журнал свиданий. «Свиданок», как говорили осужденные и их родственники. Коротких на сегодня было много. На длительные – только две заявки: в четыре комнаты из шести уже заехали вчера. «Вот не судьба всем сразу было заселиться? Ходи теперь вверх-вниз, досматривай, пока тут остальные друг друга в очереди перебьют. Тем более, сегодня я одна».

Сквозь закрытое окошко Марин Иванне было слышно, как люди всё прибывают, с трудом пытаясь втиснуться в предбанник со своей поклажей. Как в детской сказке про грибок, под которым все прятались от дождя. Вот только гриб всё время рос, а помещению для передач расти некуда.

По правилам тех, кто приезжал на длинную свиданку, оформляли первыми. Всё прочее – в порядке общей очереди. Марин Иванна терпеливо дождалась положенного часа, сняла с крюка задвижку, распахнула металлическую дверцу и громко крикнула в «тоннель»:

– Есть кто на длительное? Давайте документы!

Толпа пришла в движение, раздались крики, шумная возня, и по ту сторону тоннеля возникла бойкая хабалка.

– Нет никого на длинную. А у меня короткая и передача. Вот. – Хабалка сунула в окошко документы и поплыла, сносимая толпой. Рука, застрявшая в тоннеле по локоть, хрустнула. Хабалка заорала сначала благим матом, потом – нормальным, потом оттёрла тётки, давивших на неё со всех сторон, вынула руку, ощупала её и сунула в окошко голову:

– Ой. Здравствуйте. А где Наташа?

– Наташа на учёбе. Здравствуйте.

– Кто там сегодня? Кто передачи принимает? – Толпа опять загомонила, надеясь разглядеть в окне лояльную сотрудницу.

Наташа была моложе и из новеньких, поэтому вдвойне не нравилась Марин Иванне. «Ишь, деловая! Без году неделя,

а уже народ успела прикормить. Наташу им. Я покажу, кто здесь хозяйка».

И без того плохое настроение совсем испортилось. В голову полезли гадкие мысли о том, что не её отправили на курсы, а «свою», Наталью. И это может выйти боком. Кроме того, Марин Иванна пару раз заметила, что эта дрянь пытается заигрывать с Василием. С её Василием! И он её на днях зачем-то в город подвозил.

Марин Иванна слышала, что скоро передач не станет. Что родственники смогут заказать и оплатить продукты и промтовары на сайте зоны в интернете вместо того, чтоб приезжать сюда с баулами. А осужденным выдадут покупки через тюремный магазин. Или положат деньги им на счёт, чтоб сами заказали, что им надо.

За этим и была организована учёба, куда поехала Наталья, перед отъездом учинив самоуправство – повесив над окном для передач стишок из интернета. О том, что все мы гости в мире бренном. Что нужно быть терпимее, смиряться. Оставить зависть, злость и улыбаться. А кто не станет делать так, к тому вернётся бумеранг.

Марин Иванну это злило. Не потому, что в строчках слышались угроза и укор. Ей просто никогда не нравились стихи. А с некоторых пор она их люто ненавидела.

– Давайте, что у вас, – Марин Иванна крикнула хабалке, и та с готовностью стала совать в тоннель пакеты. В одном были консервы. В другом лежали три батона варёно-копчёной

колбасы и две больших стеклянных банки кофе. Настроение слегка приподнялось.

Марин Иванна бросила колбасу на весы, а банки выставила обратно в тоннель и отчеканила:

– Кофе в стекле нельзя. Пересыпайте или забирайте.

– Всегда было можно, и вдруг нельзя? – наивно изумилась хабалка.

– Когда это – всегда?

– Когда Наташа дежурила.

– Ну, вот и ждите свою Наташу! – Марин Иванна хлопнула железной дверкой, оставив женщину наедине с толпой, и посмотрела на весы. Колбасы было на триста граммов больше допустимого. Чаще всего на мелкие излишки закрывали глаза и пропускали в передачу. Либо возвращали продукты родственникам.

Марин Иванна, как обычно, из двух зол выбрала третье. Обнаружив перевес, она с чистой совестью засунула лишний батон колбасы в нишу стола, старательно загородив его от камеры под потолком своей большой спиной. Внимательно осмотрела консервы. Послушала, как возмущённо гомонит толпа и вежливо-заискивающе стучается в дверцу милое слуху: «Марина Ивановна, я кофе пересыпала. Пожалуйста, откройте! У меня тут ещё три сумки! Марина Ивановна, ну пожалуйста!». Удовлетворённо хмыкнула и отворила дверцу. Очередь притихла и насторожённо напряглась.

– Всем слышно? Чай-кофе – только в прозрачных паке-

тах. Конфеты разворачиваем. Сигареты потрошим. Телефоны, сим-карты, деньги, колюще-режущие предметы, сахар, алкоголь, наркотики, цветные ручки и карандаши к передаче в места лишения свободы категорически запрещены! Читайте правила на стенке и не задерживайте очередь! Ещё раз спрашиваю: есть кто на длительное?

***

Василий кое-как сошёл с крыльца, с трудом преодолел путь от терраски до калитки и с облегчением плюхнулся в автомобиль. Машина была куплена на честно заработанные деньги, которых хватило лишь на изделие русско-французского автопрома. Сын называл авто презрительно: лоханка, лохан или машина для лохов. Лоханка или нет, а ездить при похмельном самочувствии куда сподручней, чем ходить. Тем более, теперь машина стала не только средством передвижения, но и источником дохода.

Василий рукой пошарил под сиденьем, нащупал ледяную бутылку водки, открыл, хлебнул. Почувствовал, как полегчало, прогрел мотор и покатился в сторону таблички с перечёркнутой надписью «Васильки». Почему посёлок так называли, никто не знал. Васильки в полях тут не росли, потому что поля утюжили танки из расположенной напротив колонии воинской части. Когда Марин Иванна была в духе, она шутила, что их посёлок назван в честь него, Василия, и называла Васильком. Но он уже успел забыть, когда жена была в хорошем настроении.

Дорога из посёлка была зажата двумя бетонными заборами с колючей проволокой по верху. Два градо-, то есть, посёлкообразующих учреждения были разными по назначению, но очень схожими по сути. Обитателям того, что справа, «давали» всего год, а тем, что слева – гораздо больше. Василию было без разницы. Тётки как ездили к своим мужьям и сыновьям, так и будут ездить. И наплевать, направо или налево, к танкистам или к зекам. Они ему платили – это главное.

Шлагбаум на выезде из Васильков был опущен. Василий посигналил. Шлагбаум не поднялся, зато окошко в будке приоткрылось, и из него раздался женский голос:

– Здорово, Вась! Тебя начальство не велело выпускать, пока все книги не прочтёшь.

– Твою мать! И ты туда же?! – Василий вспыхнул, не стал здороваться и вышел из машины. Окошко тут же запахло.

– Ну, хватит издеваться, а? – Василий с укоризной посмотрел в глаза дежурной сквозь стекло. – Открой. Пожалуйста. Я по-хорошему прошу.

– Ну, вот куда тебя несёт, а? Ты же пьяный! – Окошко снова приоткрылось.

– Уже проспался. Пропусти. Семью мою кормить кто будет?

– Пушкин!

Резко согнувшись, Василий бросился в окошко, как на ам-

бразуру, откуда звонкими очередями раздавалось «ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха», но не успел: окно захлопнулось, едва не стукнув по носу. В тот же момент шлагбаум пополз вверх, а из окошка донеслось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.